

Людмила САРАСКИНА

СИСТЕМА ВСЕГДАШНЕГО ДОЛГА*

... Чем дольше Достоевский оставался за границей, скрываясь от петербургских кредиторов, тем больше он залезал в долги новые. Иногда он даже думал, что если бы не уехал, а остался в Петербурге, то давно бы расплатился с займодавцами. А так, из-за нетерпения и настырности, они и сами ничего не получили и ему отработать не дали. “Если б все эти господа, — писал он в начале 1860 года вдове покойного брата Эмилии Федоровне, имея в виду всех, кому был должен после краха “Эпохи”, — дали мне хоть полтора года сроку, для уплаты всего с процентами, и переписали бы так свои векселя или выдали бы мне какую-нибудь засвидетельствованную доверенность, то я бы тотчас же воротился в Петербург, и через год они бы уже более половины всего получили наверно, а через полтора наверно все”.

Между тем ехать в Петербург без шести-семи или на худой конец пяти тысяч наличных денег было бессмысленно, выработать же столько здесь, за границей, ничего не тратя на самые неотложные нужды, не представлялось возможным. На ежемесячный пенсион требовательно надеялась Эмилия Федоровна, малую толику ожидал каждый месяц и пасынок Паша Исаев. И чтобы в Петербурге они могли получить свои пятьдесят-шестьдесят рублей (иногда это могло быть всего двадцать или сорок), Достоевский из Флоренции или из Дрездена слал в Москву слезное письмо Каткову, у которого уже не имел ни малейшего права просить, так как еще не отработал аванса, и который, никогда не отказывая, без промедления пересылал заветную сторублевку в Петербург на имя Майкова. Преданный друг, еще с 1846 года, Аполлон Николаевич (которому Достоевский уже больше года тоже был должен двести рублей, но никак не мог выкроить и мучился, истолковывая каждую паузу в переписке как разрыв отношений), разделив полученные деньги в той или иной пропорции, отвозил по адресам получателей.

Кроме того, были долги чести — например, А.Е.Врангелю, и святые долги семье сестры, В.Ф.Ивановой; нужно было платить проценты за заложен-

* Глава из новой книги, которая выходит в свет в издательстве “Согласие”.

ные вещи Достоевских в Петербурге (для чего пересылались деньги сестре Анны Григорьевны, Марье Григорьевне Сватковской), и нужно было платить проценты за заложенные вещи (вплоть до белья) в Дрездене — пять процентов в месяц с суммы почти в пятьсот рублей серебром.

Финансовое ненастье продолжалось весь 1869 год.

За месяц до нового, 1870 года он почти в отчаянии писал Майкову: “Денег у меня ни малейшей сломанной копейки... И потому (поверьте, *буквально*) не имею и *не могу достать* денег для отправки рукописи в редакцию. Рукопись толстая, и спросят 5 талеров”. Речь шла о рукописи “Вечного мужа”, и Достоевский просил Майкова, чтобы тот умолил Кашпирева, редактора “Зари”, куда предназначался рассказ, выслать пятьдесят или хотя бы двадцать пять рублей, но — тотчас же: “Вы получите письмо в среду. Если б он в пятницу выслал! Просьба моя к Вам — способствуйте этому! Тотчас же по получении денег, на другой же день, вышлю в редакцию рукопись”.

Не было денег на покупку теплых вещей, не на что было окрестить новорожденную дочь Любу (только в конце декабря состоялись крестины уже трехмесячного ребенка), и спасение, как казалось Достоевскому, зависело от скорости работы почтальонов и почтовых контор как в Петербурге, так и в Дрездене.

Он досконально изучил все способы экстренной отправки денег из Петербурга в Германию через банковские конторы. Он доподлинно знал: если петербургский банкир, получив от редакции “Зари” сто рублей для бедствующего литератора в понедельник, оформит в этот же день вексель на дрезденского банкира, то уже в четверг или самое позднее в пятницу литератор, придя в дрезденскую контору с векселем, отправленным по почте три дня назад, получит незамедлительно причитающуюся сумму уже в пересчете на талеры.

Никто, однако, особенно не торопился, и деньги, ожидаемые с таким отчаянным нетерпением, имели обыкновение где-то застревать по небрежности одних, по неаккуратности других, по нерасторопности третьих. В испуге Достоевский разглядывал письмо из той же “Зари”, пришедшее не на четвертый, как он рассчитывал, а на двенадцатый день, и негодовал: “...Заметьте: пишет от 3-го октября (нашего стиля), а штампель приема на петербургской почте значится 6-го октября. Значит, оно валялось у него (Кашпирева. — Л.С.) на столе *так*, без отсылки, три дня. Хоть бы для деликатности зачеркнул 3 и поставил 5! Неужели он не понимает, что мне это *оскорбительно*? Ведь я ему писал о нуждах *жены* и ребенка моего — и после того такая небрежность! Разве не оскорбление!”

Он исписывал десятки страниц деловых писем все к тому же Майкову, вновь и вновь перечисляя свои неотложные просьбы, объясняя правила работы почтамтов при пересылке денег из страны в страну, называя имена наиболее надежных банкиров: Гинцбурга, Ротшильда, Гирша, жалуясь на

неосторожного (или бессовестного?) банкира Хессина, высланного из Петербурга неверно оформленный денежный документ. Каждый день он прибегал в дрезденскую контору Гирша справляться об *avis*, без которого его вексель был никчемной бумажкой, выданной будто на смех, для отвода глаз. *Avis* все не было, немецкие клерки посмеивались над незадачливым клиентом и, разумеется, денег не выдавали.

Достоевский во всем винил Кашпирева. “Неужели он думает, что я писал ему о моей нужде только для красоты слога! Как могу я писать, когда я голоден, когда я, чтоб достать два талера на телеграмму¹, штаны заложил! Да черт со мной и с моим голодом! Но ведь она кормит ребенка, что же если она последнюю свою теплую, шерстяную юбку идет *сама* закладывать! А ведь у нас второй день снег идет (не вру, справьтесь в газетах!), ведь она простудиться может! Неужели он не может понять, что мне *стыдно* все это объяснять ему? Но это не всё, есть и еще *стыднее*. у нас до сих пор ни бабка, ни хозяйка не уплачены — и это всё ей в первый месяц после родов! Да неужели же он не понимает, что он не только меня, но и *жену мою оскорбил*, обращаясь со мной так небрежно, после того как я сам ему писал о *нуждах жены*. Оскорбил, оскорбил! О, как бы я ему отплатил!”

Но вот приходили наконец спасительные уведомления, а с ними и долгожданные сто рублей; Достоевский получал временную передышку, забывал об оскорбительной небрежности работодателей, радуясь задним числом, что благородный Майков не дал Кашпиреву прочесть горячее, гневное письмо, а лишь пересказал смысл, — теперь Достоевский уверял своего друга, что настоящий злобы в нем не было и быть не могло. Можно было приниматься за литературные проекты или, как он их называл, комбинации.

II

Комбинаций, на которые можно было полагаться в материальном отношении, собственно говоря, имелось не так много. Во-первых, дополнительные деньги сулила вещь, которую он заканчивал для “Зари”: вместо обещанных Кашпиреву трех, “Вечный муж” тянул на семь-восемь листов. Это означало, что, за вычетом взятого у “Зари” аванса в пятьсот рублей ему причиталось примерно еще столько же, и тогда двести сразу пойдут Майкову в оплату долга, остальные на выкуп заложенных в Петербурге вещей из приданого Анны Григорьевны.

Во-вторых, можно было продать (об этом Достоевский просил содействия у свояченицы) книгоиздателю Базунову права на отдельное издание “Идиота”, печатание которого в “Русском вестнике” завершилось в феврале 1869 года. Достоевский полагал, что за ничтожную сумму в полторы тысячи рублей Базунов, если он хоть сколько-нибудь рассудителен, роман у него купит.

В-третьих, можно было (в том случае, если Базунов откажется) предложить “Идиота” Стелловскому — хотя бы за тысячу рублей. Действовать необ-

ходимо было осторожно, чтобы у обоих издателей не создалось впечатление, будто автор, находясь на мели, навязывает им неходовой товар. “Тут главное — получить деньги”, — объяснял Достоевский в письме к пасынку Паше, которому и предстояло как доверенному лицу вести сложные переговоры. Понимая, как нелегко будет склонить Стелловского к немедленной выплате хотя бы половины суммы, автор “Идиота” наставлял доверенное лицо на путь компромиссный и не жесткий: “Спорь и возражай мягче. О пустяках и не о существенном и спорить нечего. Если же заспорите, то беспрерывно показывай вид, что готов уступить, а между тем как можно менее уступай”.

В случае успеха у Базунова или Стелловского заветная сумма немедленно делилась в уже известной пропорции: двести — Майкову, триста — на выкуп приданого в Петербурге, четыреста — на выкуп залога в Дрездене, сто — поровну Эмилии Федоровне и Паше, остальное — на жизнь себе, жене и дочке. Правда, если получалась комбинация со Стелловским, из его тысячи на жизнь не оставалось ничего.

Первым, как того и опасался Достоевский, лопнул проект с Базуновым. Переговоры об отдельном издании “Идиота”, которые в конце концов пришлось вести Страхову, окончились ничем; еще летом 1869 года Базунов решительно отказался купить роман, а согласился лишь напечатать его на условиях, подчеркнуто унижительных: сперва издатель выручает все затраты от издания и сверх этого берет себе 25%, а затем только продажа совершается в пользу автора за вычетом 30%, которые опять-таки идут издателю.

“Все здешние книгопродавцы, как я узнавал стороной, — сообщал Достоевскому в сентябре 1869 года его пасынок, — не имели, да и не имеют и в настоящее время охоты купить “Идиота”². Если же таковые и случались, то оказывались или книжными плутами или дельцами несолидными: никто из них так и не взялся (не смог или не захотел) выплатить вперед, в случае подписания договора требуемых автором пятисот рублей.

“Скажу только свое мнение, что за неимением в наличности других покупателей, продать “Идиот” Стелловскому все-таки выгоднее. Тысяча руб. чистыми деньгами — куш”, — писал Паша Исаев, потерпев неудачу в переговорах с господами издателями Ушаковым, Гавриловым, Катоминным, Ханом и прочими³.

План продажи Стелловскому отдельного издания романа “Идиот” лопнул, как и все предыдущие; расчет заработать деньги для возвращения в Россию на “Идиоте” не оправдался: роман, огорчился Достоевский, получился “для публики не эффектен”.

Годом раньше пасынок Паша, до тонкостей знавший все финансовые дела своего отчима, писал ему, жалуясь на крайнюю бедность: “Я знаю, го-

¹ Телеграмма на имя Кашпирева была следующего содержания: “Nein Avis. Hirsch giebt nicht Geld” - “Уведомления нет. Гирш денег не даст” (нем.)

чубчик Папа, что помочь нам Вы были рады всей своей доброй душой, но помочь через Каткова Вам теперь *положительно нельзя*. (Там только у Вас и есть один источник)”⁴.

Год спустя положение вещей продолжало оставаться прежним: Катков, редактор “Русского вестника”, уже напечатавшего “Идиота” и “Преступление и наказание”, оказывался единственным из работодателей, кто платил Достоевскому регулярно и — что самое важное — вперед. “Деньги они присылали мне всегда, по первой просьбе, до самого последнего времени, — замечал Достоевский; он помнил, как в декабре 1866 года выехал из Петербурга в Москву, чтобы предложить Каткову новый роман и получить деньги для свадьбы. Две тысячи рублей в счет будущего сотрудничества были получены сразу, в течение января 1867 года, и еще одна тысяча в апреле; на эту тысячу супруги Достоевские смогли уехать за границу. “Я... связан с “Русским вестником” и постоянством сотрудничества... и тем, что Катков дал мне три тысячи вперед, еще до выезда из России, — объяснял Достоевский племяннице Сонечке в конце января 1869 года. — Правда, по расчету я еще очень порядочно должен в журнал и теперь, потому что перебрал всего, с прежними тремя тысячами, до семи тысяч”.

Долг “Русскому вестнику” был хотя и обременительным, но не постыдным; в каком-то смысле эти тысячи, выданные вперед, оказывались кредитом литературного доверия — о чем не без некоторой гордости он сообщал Страхову: “Я выехал скоро два года назад из России, уже будучи должен Каткову 3000 рублей, и не по старому расчету с “Преступлением и наказанием”, а по новому забору! С той поры я забрал еще у Каткова до трех тысяч пятисот рублей”.

Ему предстояло не выплачивать, а отрабатывать долг — и в течение четырнадцати месяцев он писал и посылал в Москву главы “Идиота”.

Составляя в марте 1868 года в Женеве проект завещательного заявления в пользу жены, Достоевский специально оговаривал пункты расчета по своим долговым обязательствам: “Насчет же уплаты остального долга, всю обязанность беру на себя доставлением ему (Каткову. — Л.С.) продолжения моего романа “Идиот” для его журнала. В случае же смерти моей предоставляю жене моей Анне Григорьевне Достоевской согласиться с г-ном Катковым для уплаты ему остального долга, если таковой еще окажется, деньгами или при издании женою моею моих сочинений. Пишу весь этот третий пункт моего заявления, имея во всяком случае в виду истинное и высокое благородство души Михаила Никифоровича Каткова, неоднократно мною испытанное при литературных моих сношениях с ним”.

Сорок печатных листов уже законченного и опубликованного “Идиота” стоили — при плате с листа ста пятидесяти рублей (которую Катков обычно

⁴ Пять писем П.А.Исаева к Ф.М.Достоевскому. — В кн.: Ф.М.Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А.С.Долинина. Сб. 2. М.—Л., “Мысль”, 1924. С.408.

назначал Достоевскому) — шесть тысяч рублей. (В формате “Русского вестника” объем романа “Идиот” равнялся сорока листам; при этом лист рассчитывался путем умножения числа 16, то есть количества страниц в одной книжной тетрадке, на объем странице в знаках: количество строк умножалось на количество букв в строке, а не на количество ударов, как при современных подсчетах. Поэтому печатный лист одного формата мог не совпадать с печатным листом форматов других изданий)⁵.

Тысяча, которая оставалась не погашенной, оплачивала вперед семь листов пока не существовавшего, то есть не написанного текста: четвертую или пятую часть будущего романа, если о его размерах судить по “Преступлению и наказанию”. (Заканчивая работу над “Идиотом”, Достоевский полагал, что его долг “Русскому вестнику” окажется меньшим, а объем “Идиота” — большим: “В “Идиоте” всего окажется около 42-х печатных листов, — сообщал он А.Н.Майкову в декабре 1868 года, когда еще не были дописаны финальные главы четвертой части романа и эпилог. ...Мне от сего дня надо будет написать и отослать листов 7 печатных в 4 недели”. Совокупный объем текста, предназначенный для завершения роман (VII — XI главы четвертой части и Заключение), оказался несколько меньшим предполагаемого).

Такого романа ни уже готового, ни еще сырого, который можно было бы немедленно предлагать в “Русский вестник”, у Достоевского, разумеется, в тот момент не было; и когда весной 1869 года он получил через Страхова предложение о сотрудничестве от редактора “Зари” Кашпирева, возникла любопытная и в некоторых отношениях соблазнительная комбинация.

С одной стороны, надо было отрабатываться в “Русский вестник” — туда был обещан большой роман для первых (и последующих) номеров 1870 года, хотя больших денег, памятуя о долге размером в стоимость четверти будущей книги, ожидать из Москвы не приходилось.

С другой стороны, явиться перед публикой в новом журнале было выгодно, так как повышало шансы автора вообще и в “Русском вестнике” в частности: “будут побольше ценить”. Был, однако, риск, что “Русский вестник” обидится. Достоевский наперед просчитывал эту ситуацию и даже сформулировал для себя оправдательную оговорку: “... Я *исключительного* сотрудничества “Русскому вестнику” не обещал, а стало быть, могу, в свободное время, участвовать и в других журналах”. И все-таки рисковать в данном случае имело смысл только при одном условии: если руководство “Зари” сможет выплатить ему в качестве аванса “сейчас и разом” тысячу рублей.

В какой-то момент перспектива плотного сотрудничества сразу с двумя журналами, которые, возможно, станут соревноваться друг с другом в предоставлении кредитов пусть и вечно нуждающемуся, но талантливому литератору, казалась Достоевскому, по видимому, весьма соблазнительной. У него

³ Там же. С. 415

⁴ Там же. С. 403

не было и не могло быть претензий к Каткову со стороны материальной, но косичто в отношениях с “Русским вестником” его явно раздражало. “Они никогда не отвечают, — жаловался он Майкову, — так даже, что я не знаю, приятен ли им мой роман или нет и желают ли они моего сотрудничества”.

И хотя еще весной 1868 года Достоевский узнал от своего друга, С.Д.Яновского, что тот виделся с неким господином, который вхож к Каткову, и что салон Каткова, равно как и семейство издателя, в восторге от первой части “Идиота”, это было все же слишком косвенным — даже не из третьих, а из четвертых рук — свидетельством. А хотелось иметь известия из первых рук и в прямых словах.

Кроме того, очень желательна была бы экстренная тысяча из “Зари” — она дала бы передышку, освободила бы от нужды снова писать Каткову и срочно просить новых денег, когда и старый долг был не отработан.

III

Зимой 1869 года, едва были отосланы в Москву последние главы “Идиота”, Достоевский записывал на первой странице тетради (той самой, которая спустя месяцы заполнится планами романа о Князе А.Б. и готическими рисунками на полях), прямо под наброском о ростовщике и Князе, свои расчеты:

Заря 33,52.	
Вест. 41,48.	
33	41
<u>52</u>	<u>48</u>
66	328
<u>165</u>	<u>164</u>
1716	1968

Что означала эта арифметика? Первым действием Достоевский намеревался выяснить, какие объемы текста уместятся на странице “Зари” и “Русского вестника”. Запись: “Заря 33, 52” свидетельствовала о том, что владелец записной книжки подсчитал количество строк в журнале (здесь Достоевский ошибся или подсчитывал по неполной странице: стандартная страница “Зари” содержала 34 строки) и количество букв (здесь он, наоборот, взял не среднюю строку в 50 — 51 букву, а самую густую). Столбик “33 x 52” давал объем страницы в “Заре” — 1716 букв. Затем та же операция производилась над “Русским вестником”: 41 строка умножалась на 48 букв (здесь он опять взял самую густую строку, тогда как средняя насчитывала 43 — 44 буквы), и получалось 1968 букв.

⁵ См., напр. письмо П.А.Исаева к Ф.М.Достоевскому от 3 сентября 1979 года: “...Мы рассчитали, что 40 печатных листов “Русского вестника” будут = 32 1/2 листам Стелловского... Приблизительно из 36 листов “Преступления и наказания” издания Базунова выходит 40 1/4 листов Стелловского” (Там же. С. 410 — 411).

Запись: "В.З
1970 : 1700"

свидетельствовала о том, что полученные результаты были округлены — 1968 до 1970 и 1716 до 1700. Далее, однако, круглые цифры не использовались; точное количество букв на журнальных страницах "Русского вестника" и "Зари" умножалось на 16, то есть на количество страниц в типографском печатном листе.

Результаты умножения давались в столбик :

$$\begin{array}{r} 1968 \\ \underline{\quad 16} \\ 11808 \\ \underline{1968} \\ 31,488 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 1716 \\ \underline{\quad 16} \\ 10296 \\ \underline{1716} \\ 27,456 \end{array}$$

Они сразу позволяли видеть, что в печатном листе "Русского вестника" букв на четыре тысячи больше. Но поскольку важны были не буквы, а листы, необходимо было сопоставить оба результата в листовом выражении.

Достоевский записал два отношения:

$$31,488 : 27,456 = 16 : x$$

$$27,456 : 31,486 = 16 : x$$

Первое из них означало: число букв в печатном листе "Русского вестника" так относится к числу букв в печатном листе "Зари", как полное число страниц в печатном листе "Русского вестника" к X, то есть неизвестному числу страниц "Зари", если их напечатать в формате печатного листа "Русского вестника". Второе отношение выясняло, чему будет равен другой X, то есть число страниц в печатном листе "Русского вестника", если эти страницы появятся в формате "Зари".

Чтобы выяснить значение обоих X, производилось еще одно арифметическое действие: количество букв в печатном листе "Русского вестника" делилось на количество букв, содержащихся в одной странице журнала "Заря"

$$\begin{array}{r} 31488 \\ \underline{1716} \\ 14328 \\ \underline{13728} \\ 600 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 1716 \\ 18 \frac{1}{3} \end{array}$$

Столбик показал результат 18 и 1/3, означавший печатный лист "Русского вестника", будь он помещен в "Заре" уместился бы не в 16, а в 16 и 1/3 (1/4) страницах. Но это так же значило, что если печатный лист формата "Зари" предложить "Русскому вестнику", он потянет всего на 14 страниц. Значит, в случае, если бы автор отдал в "Зарю" текст в десять печатных листов привычного формата "Русского вестника", набежало бы 22 лишних страницы: то есть одиннадцать листов "Зари" и еще шесть страниц.

По-видимому, именно таков был ход его мысли, так как запись 160 означа

ча десять раз по 16 страниц, то есть десять печатных листов; запись "22 1/2" показывала разницу между 160 и 182 1/2 (то есть разницу между десятью листами в "Русском вестнике" и в "Заре", выраженных в страницах); запись 16/6" обнаруживала желание подсчитать, какую часть печатного листа занимает хвост из шести страниц⁶.

Очевидно, что при сумме гонорара с листа, который он получал в "Русском вестнике" и который просил у "Зари" (сто пятьдесят рублей), печататься в "Заре" было выгоднее: при продаже "Заре" романа в тридцать листов набегало еще четыре листа, то есть дополнительных шестьсот рублей. Было о чем подумать, вернее сказать, приходилось думать и об этом⁷.

И если бы запрашиваемая Достоевским экстренная тысяча была бы ему экстренно и разом выплачена, его планы на вторую половину 1869 года могли бы существенно продвинуться — в сторону от "Русского вестника" к "Заре". Достоевский, назначавший себе после четырнадцати месяцев работы над "Идиотом" четыре месяца каникул для гулянья и отдыха, готов был употребить отпуск для работы в "Зарю". Это значило бы, что, получив вперед требуемую тысячу и уйдя с головой в объемистую работу для "Зари", он вряд ли в самом начале 1870 года принялся бы разрабатывать роман о Князе А.Б. в "Русский вестник".

Свободной тысячи у Кашпирева, однако, не оказалось. А стало быть, отодвинулись в неизвестное будущее и планы объемистой повести, которую Достоевский предлагал через Страхова Кашпиреву ("величиною с "Бедных людей" или в 10 печатных листов") и которая должна была исправить читательский неуспех "Идиота".

IV

Когда Достоевский узнал, что экстренную тысячу Кашпирев предлагает ему не разом и не сейчас, а в рассрочку, он, отвечая Страхову, немедленно поменял акценты. "Настоятельная *нужда* моя, — писал Достоевский, — была, *милиц назад*, ПРИ МОЛЧАНИИ "РУССКОГО ВЕСТНИКА", до того сильна, что тысяча рублей *сейчас* и *разом* имела для меня чрезвычайную ценность. Теперь же мне выгоднее *сесть*, и *сесть* как можно скорее, за роман на будущий год в "Русский вестник", который до того времени не оставит меня без денег, да и расставаться с Катковым я никогда не был намерен". Теперь — уже отбросив соображения о возможной выгоде — Достоевский готов был предложить "Заре" лишь небольшой рассказ в два печатных листа (он тут же уточнил, что в "Заре", может быть, это займет листа три или даже 3 1/2), который он обязуется поставить через два месяца, но с условием: выплатить ему немедленно, сейчас, триста рублей.

Очень скоро Достоевский увидел еще одно различие между "Русским вестником" и "Зарей". Но если первое — ее формат, вмещавший на единицу печатного листа меньше текста, — было в пользу рачительного автора, то

второе способно было только взбесить его: точность и аккуратность редакции оставляла желать лучшего. Не прошло и трех недель, в течение которых немедленные триста рублей должны были быть давно получены, как Достоевский вынужден был напоминать Страхову об обещании и просить его ускорить присылку денег хотя бы только пятью или четырьмя днями. Напрасно он ждал, сидя на чемоданах во Флоренции и живя в долг, который рассчитывал отдать из обещанных денег: они так и не пришли. Страхов же, не сумев достать в редакции гарантированный аванс и получив очередное отчаянное письмо (“Что сделалось у Вас, ради Бога, объясните. После такого твердого Вашего заверения — я рассчитал день и час моего отъезда отсюда... Напишите, пожалуйста, *не медля ни минуты*”), просто прекратил переписку.

Подняться из Флоренции втроем с беременной женой Анной Григорьевной и ее матерью Анной Николаевной, приехавшей к родинам дочери, Достоевскому опять помог Катков, выславший семьсот рублей в счет будущего романа; и им удалось расплатиться, а также совершить переезд через Венецию, Триест, Вену и Прагу с небольшими остановками и осмотром достопримечательностей (“Мы проехали через Венецию, в которой простояли два дня, и Аня только ахала и вскрикивала, смотря на площадь и на дворцы”).

Катковские деньги, равно как деньги, все же присланные — с опозданием почти в два месяца — из “Зари”, кончились уже к сентябрю; как раз к рождению дочери Любы. Тогда-то и начался его дрезденский кошмар с банковскими конторами Хессина и Гирша, с добыванием двух талеров на телеграмму, с проклятыми avis и непостижимым головотяпством “Зари”, сотрудники которой не отвечали на письма, деньги если и отправляли — то не так как надо, и даже не туда, и забывали высылать подписчикам очередные номера журнала.

И хотя так случилось, что он все-таки написал для “Зари” первоначально планируемый объем, то есть десять-двенадцать листов (“Вечный муж” вместо двух-трех, занял девять с половиной листов печати “Русского вестника” или свыше одиннадцати листов печати “Зари”⁸), и заработал-таки свыше полутора тысяч рублей, но забыть, как пришлось буквально вырывать эти деньги, было невозможно; один только “деликатнейший, добрейший и бла

⁶ Записи подсчетов типографского печатного листа цитируются по изд.: Записные тетради Ф.М.Достоевского. Подготовка к печати и комментарии Е.Н.Коншиной. С. 37 — 38. В комментарии к странице с подсчетами указано лишь, что догадка о содержании вычисления принадлежит проф. А.А.Покровскому, “предполагающему, что Достоевского занимал вопрос, где выгоднее печатать свое произведение” (С. 397).

⁷ Тот факт, что к мысли о более выгодном издании своих произведений Достоевский возвращался постоянно, пытаясь путем математических расчетов найти некую оптимальную комбинацию, свидетельствует и другая запись с весьма сложными расчислениями (и с ошибкой в подсчетах), помещенная в рабочей тетради к “Бесам”, но на полгода позже, чем первая. Здесь уже использованы два неизвестных, но также фигурирует число 16 — в уравнении: “ $2x + 3y = 16$ ”. Здесь есть и число 14 (означавшее, по-видимому, число страниц в печатном листе “Зари”, если их поместить в формат “Русского вестника”), с которым также было составлено уравнение: $2x + 2y = 14$. (Там же. С. 39).

проднейший Михаил Никифорович” способен был понять систему работы и режиме всегдашнего долга.

Всем своим работодателям, а также их посредникам Достоевский объяснял, повторял, внушал, что может работать только в этом и никаком другом режиме. “Так как я всегда нуждаюсь в деньгах чрезвычайно и живу только одной работой, то всегда почти принужден был всю жизнь, везде, где бы ни работал, брать деньги вперед. Правда, и везде мне давали...”

Часто, не имея иных подтверждений, что его ценят в журналах как автора, он мог судить об этом по готовности издателя помочь вперед: “Я Катковым не только доволен, но даже благодарен ему за то, что давал вперед... Они сохраняют меня сотрудником и даже с удовольствием... да и не стали бы присылать деньги *вперед*, если б не так”.

“Я, по положению моему, нуждаюсь всегда в деньгах *вперед*, а Катков мне всегда давал вперед”, — объяснял он даже племяннице Сонечке.

“Не было редакции, с тех пор как я литературствую, которая отказалась бы мне дать вперед настоящим образом (а не то что когда уже рукопись в руках), — уверял он Майкова, обращаясь с очередной просьбой о посредничестве и дружеском участии. — Да и кому не дается вперед? Мы вели журнал всем давали вперед, да и какие суммы!”.

Он просил не сердиться Страхова за выдвигаемые условия, за торг, объясняя, что выдумывает сюжеты рассказов не за деньги и что если бы не было уже придуманного сюжета, он не стал и торговаться. “Это вовсе не торг; — оправдывался он, — это точное и ясное изложение моих обстоятельств, и чем точнее, чем яснее, — тем ведь и лучше в делах”. “Этот разговор о деньгах вперед, — вновь объяснял он Страхову, когда история с “Вечным мужем” была позади, шел февраль 1890 года и он сочинял роман в “Русский вестник”⁹, — не каприз, не заносчивость и не ломанье самонадеянное с моей стороны... Я всю жизнь работал из-за денег и всю жизнь нуждался ежеминутно; теперь же более, чем когда-нибудь. К весне должен непременно достать денег; за работу же мою мне всю жизнь и все давали вперед и помногу, даже и иначе никогда не бывало. Да иначе и не может быть, ибо у меня никогда не случается зараз значительной суммы, с которою я бы мог выдержать несколько месяцев и уже потом, выдержав, продавать роман готовый, как делают наши старшие литераторы”.

И не для того, чтобы как-то смягчить свою, быть может, слишком жесткую позицию, а только в целях полной ясности и определенности, Достоевский добавил: “Но при этом скажу Вам прямо, что я никогда не выдумывал сюжета из-за денег, из-за принятой на себя обязанности к сроку написать. Я всегда обязывался и запродавался, когда уже имел в голове тему, которую действительно хотел писать и считал нужным написать”.

Очень скоро, продолжая вести переговоры с “Зарей” через Страхова, Достоевский вновь в весьма определенных выражениях повторил свои пра-

вила. “Я всегда всю жизнь работал тем, кто давали мне вперед деньги. Та оно всегда случалось и иначе никогда не было. Это худо для меня с экономической точки зрения, но что же делать! Зато я, получая деньги вперед, всегда продавал уже нечто имеющееся, то есть продавался только тогда, когда поэтическая идея уже родилась и по возможности созрела. Я не брал денег вперед за *пустое место*, то есть надеясь к данному сроку *выдумать* и *сочинить* роман. Я думаю, тут есть разница”

Итак, Каткову, которому Достоевский оставался значительно должен и продолжал брать вперед все новые суммы, была назначена и запродала идея злободневного романа. Закончить его нужно было к осени,

Весной 1870 года, когда появились новые предложения от “Зари” (в связи с которыми Достоевский изложил принципы литературной работы в системе долга), он уже слишком глубоко погрузился в выполнение заявленной Каткову идеи. Так что когда в марте, опять же в письме к Страхову, он выставил свои обычные требования — тысячу рублей вперед, при этом пятьсот сразу, остальные по сотне ежемесячно, и когда в апреле он получил из “Зари” первые пятьсот рублей, а потом, хотя и с опозданием, деньги за май, июнь и июль, — ему было уже не до “Зари”

Железная необходимость обрабатываться в “Русский вестник” приковывала его к письменному столу и требовала сочинять роман, который он сам назначил для этого журнала — злободневный, современный, острополитический. “На вещь, которую я теперь пишу в “Русский вестник”, я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны”, — объяснял Достоевский Страхову, как бы убеждая его, что в случае успешных переговоров с “Зарей” роман в “Русский вестник” не будет мешать грандиозному замыслу “Жития” — “То, что я пишу теперь в “Русский вестник”, — повторил он вскорее и Майкову, — я кончу месяца через три наверно... Над тем, что пишу в “Русский вестник”, я не очень устану; зато в “Зарю” я обещаю вещь хорошую и хочу сделать хорошо”).

Однако художественная необходимость, взорвавшая летом 1870 года построение из пятнадцати печатных листов и изменившая пафос романа, заставила отклонить предложение из “Зари”: приходилось отказываться не только от девяти сотен полученного аванса, но и от дорогой идеи, под которую этот аванс был затребован (“...Я постараюсь возратить Вам забранные мною у Вас 900 руб. по возможности скорее”, — писал Достоевский редактору “Зари” в августе 1870 года, когда понял, что его планы закончить роман для “Русского вестника” в три месяца рухнули).

Между тем в “Зарю” Достоевский назначал “Житие великого грешника”

⁸ Достоевский, видя, что “Вечный муж” разрастается, даже оправдывался: “Старался сократить из всех сил, но не мог”; “Повесть готова, но в таком объеме, что ужас... (Не оттого что распозлзлась под пером, а оттого, что сюжет изменился под пером и вошли новые эпизоды)”

и этой книги он намеревался сделать цель всей своей будущей литературной карьеры.

V

Система литературного труда в режиме всегдашнего долга, как оказавшись, имела некоторые необратимые последствия; то, что поначалу виделось как отработка, перемещалось понемногу в центр жизни, а потом захватывало целиком — писание из-за денег становилась сочинительством по страсти и вдохновению. В те дни, когда Достоевский решил перечеркнуть уже готовые пятнадцать листов романа в “Русский вестник” и начать все заново, он менее чем когда-либо ощущал себя литературным поденщиком. Но только те, кто учитывал все возможные издержки, а также и все преимущества подобного режима, рано или поздно пробуждавшего у этого автора истинный огонь творчества, могли рассчитывать, что добьются от него результата. Поэтому те идеи, которые были не только назначены журналу, но и уже жестко подчинены режиму отработок, имели шанс на воплощение.

“Неужто откажут? — размышлял Достоевский в связи с переговорами об идее “Жития” для “Зари”. — Да и 1000 руб. — не Бог знает какие деньги. Как могут; так действуя, все и всех упустят. Впрочем, их дело”. И вот другое переживание: “Бедность то моя меня съела, а то стал бы я лезть сам с предложениями. И заметьте, только что свяжусь с журналом, сейчас торопят сроком, сейчас бы им к самому раннему сроку! Да я лучше умру, чем теперь себя стесню. Один “Русский вестник” меня не стеснял. Благороднейшие люди!”.

Идея “Жития великого грешника”, запроданная не торопившейся оплатить ее “Заре”, в тот момент, когда с “Зарей” автор находился в свободных отношениях (то есть был свободен от долговых обязательств), а с “Русским вестником” накрепко связан огромным кредитом, — эта идея не имела шансов воплотиться в текст. “Вам неизвестно, может быть, — жаловался Достоевский Страхову на редактора “Зари” Кашпирева, — что Василий Владимирович дал мне слово (о чем и писал с точностью и сам определил числа и сроки) высылать мне ежемесячно, 15-го числа каждого месяца, по 100 руб. Первая подобная высылка определена им самим к 15-мая... И вот уже 28-е мая, а ровно ничего еще я не получил”. “Вы не поверите, Николай Николаевич, как расстраивает все мои дела и весь мой здешний быт — такое отношение к делу... Вы не можете себе представить, как это влияет на мои занятия, не говоря уже ни о чем другом. Я на несколько дней иногда не способен работать”.

Для того чтобы величественный замысел “Жития”, записанный в сжатом конспекте, был реализован в виде пяти книг по пятнадцати листов каждой¹⁰, для того чтобы сюжет о грешнике стал венцом литературной карьеры

¹⁰ В эти дни Достоевский сообщал Майкову, что будущий его роман “одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде “Преступления и наказания”, но еще больше, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса”.

автора, как того хотел он сам, ему, автору, нужно было вместе с этим замыслом, сюжетом и героем попасть в капкан безвыходности, в сети железной финансовой необходимости.

В соперничестве двух замыслов, — замысла для “Зари” и идеи для “Русского вестника” — предпочтение в конце концов было отдано “Русскому вестнику”: и потому, что работа над романом о Князе А.Б. в момент соглашения с “Зарей” уже шла полным ходом, и потому, что долг Каткову, который усадил его за письменный стол, был много больше.

Роману “Бесы” суждено было появиться на свет еще и по той причине, что его первый издатель, М.Н.Катков, точно знал, какие чрезвычайные обстоятельства, какие безысходные ситуации требуются бедствующему литератору Достоевскому, чтобы впрячься в литературную работу, которая так или иначе зажжет в нем божественный огонь.

Ни Страхову, ни тем более Кашпиреву понять этого было не дано.

Сам же автор, понуждаемый писать ненавистные ему “постыдные просительные письма” к работодателям и издателям, преследуемый видением долговой ямы, усматривал в своей системе отработок и жизни в кредит все не благо. Это был злой рок, беспощадность судьбы, горький сиротский удел. Он не мог не сравнивать свои жалкие обстоятельства, свою унылую бедность с теми условиями, в каких работали литераторы его уровня.

“Пусть посмотрят, в каком положении я работаю! — восклицал он, жалуясь Майкову на небрежность сотрудников “Зари”. — И после того у меня требуют художественности, чистоты поэзии без напряжения, без угару, и указывают на Тургенева, Гончарова!” Достоевский прекрасно знал, что и Л.Толстой, и Тургенев, и Гончаров куда более удачливы в житейском смысле: обеспечены, не нуждаются в инициативе издателей, не зависят от журнальных гонораров, сами определяют сроки публикаций своих вещей и не берут деньги вперед. Его задевало, что работодатели, от которых он находился в материальной зависимости, не стеснялись торопить его, и заявлял: “...редакцию (речь шла о “Заре”. — Л.С.) я бы просил не стеснять меня в работе, которую я хочу сделать начисто, со всем старанием, — так, как делают те господа (то есть великие)”.

Он ревниво следил и за теми литераторами, кто, находясь в России, имел возможность прямого и потому более успешного общения с издателями. “По газетам я видел, — замечал Достоевский, что Лескову, например, он (Кашпирев. — Л.С.) выдавал и по 1500 р. вперед. А как, должно быть, выдавалось Писемскому, а для меня нет, даже тогда, когда я прошу уже не вперед, а своего прошу и пишу такие постыдные просительные письма”. “...Давал же Кашпирев и по полторы тысячи вперед за год Стебницкому. (Да и журнала издавать нельзя, не выдавая вперед, иначе всех писателей упустишь)”, — опять волновался он, пересказывал Майкову содержание своих переговоров со Страховым и Кашпиревым.

Существовал, кроме того, еще один особо мучительный пункт в системе отношений с журналами, которым он был много должен, — то, чего счастливо могли избежать более обеспеченные литераторы. Все романы Тургенева — Достоевский хорошо знал это — печатались в журналах уже после того, как авторская работа была завершена; писатель мог прочесть все подряд, внести необходимую правку, как следует почистить текст, а уже потом отдавать его для печатания в нескольких журнальных книжках, не беспокоясь за вещь в целом. Об этом, а не о системе кабального долга мечтал и Достоевский, понимая, что мечта недостижима: никогда не удавалось ему собрать разом значительную сумму, с которой можно было бы прожить, не беря в долг, и уже потом, выдержав, “продавать роман готовый, как делают наши старшие литераторы”. (А.Н. Майков, сочувствовавший своему другу и хлопотавший по его делам с “Зарей”, сообщал Достоевскому в связи с “Вечным мужем”: “Повесть Ваша всеми друзьями Вашими ожидается с нетерпением. И рад, что Вы могли ее просмотреть *конченную*, с пером в руках. Это Вам удастся редко” — см.:29, I; 418).

Ему приходилось отдавать вещь по частям и, как правило, в тот момент, когда было готово только начало; так что первая порция печаталась, вторую он правил, последующие существовали лишь вчерне, а то и вовсе — в планах или набросках, концовка же представлялась в общем виде или даже только в идее.

Так случилось и на этот раз.

Отослав 7 (19) октября в Москву две главы первой части романа (начало полтора месяца назад, как только определилось лицо центрального героя) и получив январскую книжку “Русского вестника” за 1871 год, Достоевский попал в двойной капкан: некуда было деться от финансового обязательства отработать долг и появлялось художественное обязательство пройти до конца романа с тем героем, который уже был заявлен в первой части и которому была посвящена вторая глава “Принц Гарри”, отправленная с первой же порцией текста в редакцию “Русского вестника”.

Герой, которому назначались демонические свойства и целый ряд экстраординарных поступков, не мог уже слишком меняться от главы к главе, особенно если учесть, что и жить ему оставалось всего месяц: ровно столько должно было продлиться действие романа, в финале которого “принц Гарри” кончал с собой. Рискнув выпустить на страницы “Русского вестника” начало романа со Ставрогиным, Достоевский уже не мог отступить от демонического замысла — это было бы художественно нечестно.

¹⁰ Достоевский мечтал, что “Житие” будут объемом в “Войну и мир” и сложится из пяти больших повестей, объединенных только общим названием, а в остальном — автономных, “так что их можно даже пускать в продажу отдельно”. В “Житии” должны были действовать герои выдающиеся: “...Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем.) ...К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.)”.

Система всегдашнего литературного долга, загонявшая Достоевского в режим обязательной отработки, обеспечила зависимость всей работы над "Бесами", длившейся не три месяца, а почти три года, от его августовского решения о "характере Князя". С того момента, когда в Москву ушел пакет с пятью и 1/2 печатными листами текста и с сопроводительным письмом ("Я слишком опоздал против обещанного мною срока, приношу от всего сердца извинение"), и особенно с того момента, когда половина первой части "Бесов" вышла в свет, герой-демон стал неотменимым обстоятельством жизни писателя.